

© 2013 г. Ю.С.Карагодская
УДК 81

**СПЕЦИФИКА ЭКСПРЕССИИ
В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РЕЛИГИОЗНО-ЦЕРКОВНОГО СТИЛЯ
СО СМЕЖНЫМИ СТИЛЯМИ**

В современной экспрессологии как автономном разделе теории языка актуализируется широкое понимание экспрессии. Оно все более востребовано, поскольку обобщает стилевые и межстилевые аспекты и акцентирует усиление как определяющий признак экспрессии [1]. Это понимание в изменившихся когнитивных условиях сопряжено с растущим взаимным притяжением стилистических сфер [2]. Мы покажем связь между спецификой экспрессии в религиозно-церковном стиле как функциональном поле [3] и характером взаимодействия данного стиля со смежными.

Задача конкретизируется в трех глубинно связанных аспектах, которые далее рассматриваются последовательно. Первый аспект – теоретико-лингвистические предпосылки анализируемой связи, определяемые общими принципами взаимодействия, его носителями. Второй – характеристика взаимодействия данного стиля и смежных как особой системы, указание ее элементов. На этой основе далее характеризуется третий аспект – проявление системности исследуемого взаимодействия.

Отметим первый из трех аспектов анализа. Связь между спецификой экспрессии в религиозно-церковном стиле, с одной стороны, и характером взаимодействия данного стиля со смежными, с другой, – весьма многомерна и потому требует при анализе расслоения, дифференциации.

Понятийный аппарат экспрессологии и стилистики побуждает указать на два основных слоя этого взаимодействия, тесно и сложно связанных между собой.

Первый слой – общие черты взаимодействия между стилями. Они определяют взаимодействие как таковое, вообще, проявляемое в различных сочетаниях (например, сочетание признаков художественного и разговорного сти-

лей, нередко явленное как имитация или стилизация разговорности в художественном целом). Соответствующие черты – это то, что есть при всяком межстилевом взаимодействии.

Второй же слой межстилевой интеракции – черты, определяемые именно при участии определенного стиля, в нашем случае – религиозно-церковного. Это такие характеристики, которые могут быть не схожи с взаимодействием иных стилей. Они являют не только системную сущность взаимодействия как такового, но и исследуемого стиля. Именно в религиозно-церковной сфере в современный период, в сложном единстве с предысторией этой коммуникативной практики (в статусе стиля и ранее) и с другими стилями – выявляется ряд закономерных парадоксов. Укажем на три парадоксальных ряда (двуединства): установки на канон и на творческое начало; доминанты архаичности и растущей актуальности; признак обособленности и усиливающееся «врастание» в новую сложно-целостную стилевую полисистему. Подчеркнем, что с экспрессией, то есть свойством общего усиления в стилистическом пространстве, органически соотносятся оба рассматриваемых слоя взаимодействия.

Второй слой интеракции, отмеченная специфика религиозно-церковного стиля, углубляет раскрытие взаимодействия в принципе – как комплекса специфических стилевых черт. В его роли выступают «коммуникативные фрагменты» [3, с. 415]. Авторы цитируемого фундаментального источника оговаривают значимость взаимодействия в текстах религиозно-церковного стиля. Для достижения целеустановки данного стиля, то есть упрочения веры, «могут употребляться языковые и речевые средства, типичные для других стилей <... > привлекаться те средства, которые обычно используются в иных коммуникативных сферах» [3, с. 427-428; 4; 5; 6; 7; 8]. Помимо указанного вовлечения, в полисистеме стилей закономерен обратный вектор, при котором исходная – нерелигиозная стилевая – ткань просвечена религиозно-церковным элементом. Совместно этими векторами создается взаимная стилевая «пропитанность» дискурсов, освежающая возможности религиозной экспрессии.

Отмеченное взаимодействие не означает отсутствия стилевого единства. Наоборот: стилевое единство, по нашему мнению, – это не только вовлечение в соответствующую коммуникативную практику средств одного стиля, но системное сочетание в ней совместимых с ними иностилевых средств. Для экспрессии это сочетание принципиально.

Такое сочетание не нарушает единства, а создает одно из его проявлений: упрочение веры – целеустановочная доминанта религиозно-церковного стиля, как динамической системы, – требует участия тех «смежных» средств, которые в предшествующих состояниях его развития не были актуальны.

Этим подтверждается разносторонний характер системности стилей. Он также благоприятствует расширению экспрессии.

Выявленная многомерность межстилевой интеракции служит предпосылкой второго аспекта анализа – а именно характеристики взаимодействия данного стиля и смежных как особой системы, указания ее элементов.

Как показывает исследовательская практика, в данной системе определяются, как ее основные элементы, четыре основных признака. Это доминанты сферы веры и особой религиозной истины; нерелевантность рационального начала; духовная значимость представляемых смыслов; творческое начало, актуальность, которая, естественно, по-разному соотносится с дискурсивной динамикой различных эпох.

Проиллюстрируем системную сущность четырех признаков следующим контекстом из беседы авторитетного современного священнослужителя, публициста, религиоведа. В дискурсе поиск особой истины в сфере веры, причем пронизанный столь же специфичной детерминацией, охватывает все фрагменты. Рациональное начало при этом принципиально отсутствует. Смысл греха обсуждается в его духовной значимости. А обновление, актуализация фиксируется творческим поиском «более жесткого слова», экспрессивно-смысловыми изменениями («стало пахнуть ладаном», «слишком») [1, с. 7-9].

Выявленной системностью подтверждается черта, отмечаемая Кожиной и ее соавторами: соответствующие дискурсы «населены разнообразными головами», являющими тысячелетний опыт религиозного общения. И эти проявления сути стиля оказываются особенно многомерными. Оговорим, что на взаимодействие распространяется понятие стилеобразующего фактора [9]. Соответствующие единицы, комплексы обладают двоякими возможностями: во-первых, они служат фактором образования пространств одного стиля. Во-вторых же, стилеобразующий фактор определяется и тогда, когда формирует интеракцию различных стилей; этому также служат определенные наборы единиц, комплексов, аспектов.

При возможных резких стилевых контрастах, главным в исследуемой сфере, на наш взгляд, становится именно особое многообразие, даже богатство возможностей взаимодействия «религиозно-церковный стиль – смежные сферы». Экспрессия в силу сказанного умножается и усложняется.

Богатство взаимодействия коррелирует с сущностной (и телеологической) необходимостью показать сложные, в том числе новые, отношения, коммуникаторов. Значит, намечается органичное обогащение связи между экспрессией и онтологией.

Следовательно, правомерен переход к третьему аспекту исследуемой связи (между спецификой экспрессии в религиозно-церковном стиле и характером взаимодействия данного стиля со смежными). А именно – к конкретным проявлениям системности исследуемого взаимодействия. На этом этапе специфику экспрессии определяем и с опорой на признанное понятие экспрессемы, в ее широком современном понимании [10, с. 13] – как специализированного носителя экспрессии. Экспрессема обладает варьирующимися объемом и глубиной: от достаточно простого элемента (аффикса) до многомерных иерархичных целых, например, вбираемых гипертекстом сложных единств. Экспрессема коррелирует с ранее оговоренным понятием коммуникативного комплекса, особо релевантного, в концепции М.Н. Кожинной, для межстилевого взаимодействия. Опираемся также на исследовательскую практику, позволяющую выделить три основных типа взаимодействия, определяемых в линейно-объемном плане. Это вкрапление, соположение, взаимопроникновение. Перейдем к их поочередной характеристике. Вкрапление, как первый тип межстилевого взаимодействия, проявляется в материале относительно однообразно.

«Отцы говорят, что не имеющий дара слезного, дара покаянных слез, далек от искусства духовной брани, молитвы, и никогда по-настоящему не каюлся...

В Лавре воочию ощущаешь свою сопричастность вечной Истории – истории духовной брани с врагом нашего спасения и с его земными слугами, за нашу непопранную святую веру. Житие Иова Почаевского, великого древнего святого, достаточно известно. Гораздо меньше знакомо широкой публике житие преподобного Амфилохия, старца еще сравнительно недавних, советских времен. Бесконечно преследуемый богоборческими властями, он прославился как великий целитель и прозорливец, хотя и

сподобился умереть своей смертью, удостоился, по слову Церкви, «мирной и непостыдной» кончины. Канонизирован был совсем недавно, при патриархе Алексии П» [11, с. 59-60].

Для характеристики вкрапления в данном дискурсе существенны три позиции. Во-первых, основа, «исходная ткань» его – публицистическая. Однако суть этого сложного целого не исчерпывается данной стилевой основой. Суть дискурса – интеракция с религиозно-церковными доминантами, которая эмпирически очевидна и теоретически определяема.

Во-вторых, религиозные вкрапления многообразны, чем также акцентируется их системность взаимодействия. Отметим (по соображениям места) лишь два вида средств: графическое и лексико-семантическое; оба связаны с соответствующими смыслами, то есть соотносятся с соответствующей референцией. Так, вкраплением служит особое написание одного из слов-омонимов «мир» в значении “вселенная“, : «Эти пещеры – живое обвинение нынешнему «міру», міру в евангельском смысле, живущему для удовольствия...»

С точки зрения современного русского языка буква *i*, в нем отсутствующая, является иноязычием, билингвемой [12, с. 28]. Данный вид иноязычий – «буква иностранного алфавита» – определен как первый из пяти основных, что связано как с его элементарностью, так и системной значимостью: на него опираются прочие, тоже важные. С этим соотносится и его традиционная экспрессивность. А рассматриваемый материал позволяет дополнить ее специфику: эта элементарная, графико-смысловая, экспрессема вступает в закономерную системно-дискурсивную связь с единицами лексического уровня, номинациями религиозной сферы, с метаязыковым оттенком, – см. выделенную единицу: *міру в евангельском смысле*.

Специально характеристики заслуживает и номинация «житие». В е словарном представлении фиксирована такая специализация, которая, во – первых, соединяет стилистическую. закрепленность и межстилевой потенциал; и, во-вторых, определяет очевидную экспрессию: «**ЖИТИЕ** 1. Жизнеописание какого-л. святого, подвижника; их жизнь и деяния» [13:307]; «**Житие**. 1. Наименование литературного жанра, описывающего жизнь какого-либо святого. 2. *Разг.* =жизнь. (...) **Жития святых** 1. *В христианстве*: биографии духовных и светских лиц, канонизированных церковью. См. также: агиогра-

фия. 2. В Рим.имп.: сказания о христ.мучениках; переработаны в 10 в. в Византии Симоном Метафрастом» [13, с 607].

В-третьих, в отмеченных признаках проявляется природа дискурса и обоих стилей. Ряд лексических единиц в своих специфических связях, как коммуникативный комплекс, обеспечивает представление референций сферы веры и особой религиозной истины; нерелевантность рационального начала; духовную значимость представляемых смыслов; творческое начало, актуальность, которая выражено многомерно и совместимо с актуальностью иного рода – публицистической. Усиление, как конституирующий признак экспрессии, получает адекватное закрепление. Намечается определенная модельность интеракции, не препятствующая живости творческому началу в реализации самых канонических, «сухих» религиозных номинаций.

Экспрессымы в результате оказываются также многомерными и притом едиными в своем многообразии. Единицы, специализированные в употреблении и потому усиливающие определенную смысловую, стилевую доминанту, организованы специфическими комплексами, каскадами. Такая комплексность сама по себе способствует расширению возможностей обогащать экспрессию.

Эффект от точечной экспрессии при вкраплении связан со специфическим соединением: в публицистической стилевой основе, с ее многогранными смыслами, религиозно-церковная единица, становясь экспресмой, вызывает доверие и в то же время способствует позитивно-напряженной интенции к упрочению веры.

Приведенные характеристики первого вида межстилевого взаимодействия (вкрапления) позволяют перейти ко второму – соположению, а также к их сочетанию. Приведем следующий дискурс, вторая часть которого относится к религиозно-церковному стилю и соположена с исходной – публицистической (как и в предыдущем случае). См.: «В Перми возмущенные горожане выходят на митинги по причинам, имеющим прямое отношение к культуре <...> Эксперименты имеют право на жизнь, но не в форме глумления над духовными устоями народа//о Перми/...Против проведения выставки Icons в Краснодаре выступили епархии...*Как сообщают новостные агентства, кубанские священнослужители осудили поступок настоятеля храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость»*

отца Алексия, плюнувшего в лицо «вождю культурной революции» (Тайков П. Гельмантоз культурного пространства // Версия. 2012. №29 /354/. С.7. Выделено нами.- Ю.К. В заключительной части данной статьи, в связи с взаимопроникновением как типом интеграции, специально остановимся на дискурсе упомянутого отца Алексия).

При вышеотмеченном сходстве с вкраплением, данный вид взаимодействия отличается иными линейно-объемными характеристиками. Религиозно-церковные номинации, обладающие экспрессивностью (епархия, священнослужители, настоятель, храм, икона и др.), сосредоточены в выделенном коммуникативном комплексе, заключительном для данного фрагмента и предпоследнем во всем тексте. Отметим также показательную номинацию: «ГЛУМЛЕНИЕ» – ее типовая сочетаемость «над святынями» – закреплена в иллюстративной части соответствующей словарной статьи [13, с. 210].

Экспрессия в данном случае также специфична. В то же время она не носит точечного характера – соположенность обуславливает такую реализацию, когда усиление заключается в смене публицистической доминанты на религиозную, в нарастании и обогащении качества экспрессии. Причем значимость религиозной доминанты не зависит от линейной позиции: она определяется в межстилевом взаимодействии постольку, поскольку религиозно-церковный стиль более возвышенный характер, чем публицистический (и это в общем случае определяется как сложнейшими целыми, так и фрагментами). Росту экспрессии служат те же четыре вышеотмеченных признака: представление референций сферы веры и особой религиозной истины; нерелевантность рационального начала; духовную значимость представляемых смыслов; творческое начало, актуальность, которая выражено многомерно и совместимо с актуальностью иного рода – публицистической. Однако служат они данному взаимодействию несколько иначе, нежели в двух ранее приведенных контекстах: в частности, совместимость публицистической и религиозной актуальность представлена как линейно закреплённый переход от первой ко второй.

В тематически близком фрагменте из другого дискурса соединяются вкрапление и соположение, чем подчеркивается системный характер и двух данных типов, и взаимодействия в целом. Так, в первом абзаце доминирует отнесенность к религиозному стилю, с системным цитированием отцов

церкви и т.п.; в следующих контекстах нарастают признаки публицистичности; а в финале органично использован фрагмент из художественного шедевра В.Шукшина «До третьих петухов».

См. выделенные единицы: «Христианское искусство всегда признавало границы для самовыражения. Эти границы устанавливались на **Вселенских соборах**, часто в нелегких спорах. Но, в конечном счете, признавались всей Церковью, всем народом **Божиим**. ... нельзя зло смаковать, расписывать в подробностях. Потому что таким образом зло в мире умножается, захватывая себе новые территории в виде невинных душ, которые дотоле с ним не сталкивались, а теперь – **познали**, ибо, как говорят отцы VII **Вселенского собора**, «телесные чувства удобно вносят свои впечатления в душу».

Отметим значимую для взаимодействия единицу: Божий. Это имя прилагательное к существительному Бог с совмещением относительного и притяжательного смыслов. Как в мотивирующем существительном, так и в производном прилагательном показательна дифференциация начальной прописной – строчной букв. Характерны данные словарей по слову **БОГ**. Прописная буква указана при первом значении в связи с религией вообще в одном из авторитетнейших словарей начала XXI в. [13, с. 86] Иная трактовка возрождается в еще более новых источниках – применение прописной буквы только в связи с монотеистическими религиями, причем это значение дается лишь 5-м [14, с. 219]. Следует отметить также соотношение между различными вариантами склонения имени прилагательного «божий»: божьего – божия (род.-вин.пад. муж. рода ед.числа), божьим – божиим (твор.пад. муж. рода ед.числа) и т.п. Такое употребление можно объяснить с опорой на корреляцию более архаического (имеющего особые экспрессивно-стилистические возможности) и более современного варианта склонения – эту корреляцию впервые специально оговаривают на примере пары «неким-некиим» в соответствующем словаре [15, с. 249-250]. См. также формы с архаическим формантом: «божия» – в иллюстративной части академических словарей [16, Т.1, с. 103; 17, Т.1, с. 675]. У имени прилагательного «божий» в таких корреляциях определяется взаимодействие разных характеристик по двум основаниям. Во-первых, оно соотносится с одним субстантивных типов склонения, ср.: глоссарий – глоссария, божий – божия; во-вторых, со смешанным типом склонения, ср. лебяжий- лебяжьего, божий – божьего.. Формы типа «божия» отличаются

архаичностью, оказываются закреплены за религиозно-церковным стилем. Во-вторых, это же имя прилагательное в одной из форм (твор. пад. муж. рода ед. числа) обладает вариантами: божьим – божиим, несколько упрощенно определяемыми как стяженный – нестяженный. Второй вариант – божиим – также архаичен и закреплен за религиозно-церковным стилем. В специальном словаре языка СМИ отражена еще одна существенная характеристика данной номинации – возвышенный характер. См. пометы «**БОЖИЙ**. *позит. высок*» [18, с. 54]. Таким образом, целый экспрессивный каскад определяется одним лишь словом из контекста.

Показательная номинация «икона» реализует в контексте своеобразную экспрессию: в этой реализации взаимно подкрепляются сдержанность и усиление: «Выставка называется «Иконы» («Icons»). Наше мнение об иконе следующее. Для верующего человека икона – это не просто изображение, либо картина. Для него – это **святыня**. Перед иконой верующий человек молится, поверяет свои подчас самые сокровенные надежды и чаяния, с **упованием на Божию** помощь, иногда в самых страшных трагических жизненных ситуациях. Например, когда мать молится о здоровье своего дитя. К **чудотворным** иконам люди приезжают подчас за сотни километров».

Коммуникативный комплекс включает и другие единицы, семантически итеративные с номинацией «икона» и ориентированные на религиозную сферу, на представление упрочения веры.

Для уточнения сущности взаимодействия уместно привлечь контекст иного рода. Таков материал (в специальной религиозной газете), автором которого является современный духовный писатель архимандрит Амвросий (Юрасов) «Господь исполнит твое желание» // Иконы и молитвы. 2012. № 15, с. 12. Одобрено Синодальным информационным отделом РПЦ. См. аналогичные материалы в другой газете: Святые иконы и молитвы). См. контекст, в котором в коммуникативном комплексе используются религиозные номинации: икона, Бог, Господь, Спаситель: «Мама говорит: «Дочка, ты опять тайком лакомилась, но Господь видел, как ты сметану ела! А дочка отвечает: «А сегодня Господь не видел!.. Я, когда ела, полотенце на икону повесила, закрыла им Господа, а как съела, полотенце сняла». Мама вздохнула, обняла дочку и сказала: «Икона – это не Господь, это только образ Спасителя... И мы, когда молимся, обращаемся не краскам, не к доске, а к Первому образу – Самому Богу».

Основой дискурса является религиозно-церковный стиль. При этом очевидны разговорные и межстилевые вкрапления. Оригинальность взаимодействия, при его модельном характере, заключается в органике элементов и их связи. Вкрапление и соположение приводят к тому, что опорные, «дискурсивно несущие» религиозные номинации и сопутствующие им «нерелигиозные» взаимно подчеркиваются, не препятствуя друг другу. Так определяется экспрессия и обеспечивается усиление стилистико-смысловой доминанты.

Выполненный анализ дает основания для двух взаимосвязанных выводов.

1. Характеристики материала приводят к постановке проблемы новых рабочих понятий. Связь между возможностью экспрессемы представить сущность межстилевого взаимодействия, стилистического процесса позволяет поставить вопрос о рабочем понятии «онтоэкспрессема». выявленная при анализе растущая роль в определенном тексте стилем иных сфер побуждает предложить рабочее наименование «иностилема». Такие единицы становятся уместным способом выразить все более актуальные закономерности, становятся необходимым звеном в понятийно-терминологическом представлении исследуемого взаимодействия.
2. Системность рассмотренного взаимодействия органически соотносится с природой дискурса и функциональных стилей. Взаимодействие выступает как оптимальный, а возможно единственный способ представления сложных связей между смыслами. Ряд лексических единиц в реализации системных отношений, как коммуникативный комплекс, обеспечивает регулярное представление исследованной интеракции. Духовная значимость представляемых смыслов раскрывается через референции сферы веры. Для этого раскрытия существенны творческое начало и многомерная экспрессивно-стилистическая актуальность.

Дальнейшая перспектива исследования может реализоваться с учетом понятия речевого цикла, обобщающего четыре взаимосвязанных группы условий интерпретацию, последовательность интенций, воплощение сценария и взаимодействие смысловых позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протоиерей *Андрей Кураев*: «Заказ на акцию Pussy Riot». Интервью Елене Масюк // Нов. газета. 2012. № 85.
2. *Казак М.Ю.* «Маркеры экспрессивности» в культурно-речевой оценке // Журналистика в 2011 году. Ценности современного общества и СМИ. М., 2012.
3. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. М., 2011.
4. *Акимова Т.П.* Стилистические функции церковнославянизмов в письмах А.П.Чехова // Язык. Дискурс. Текст. Ростов н/Д, 2012.
5. *Бугаева И.В.* Особенности конфессиональной дифференциации речи // Социальные варианты языка -3 /Материалы международной научной конференции Н.Новгород, 2004.
6. *Павловская О.Е., Трошева Т.Б.* Религиозный дискурс в учебно-воспитательном процессе высшей школы // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания. Киев, 2009.
7. *Сахарова Е.Е.* Характерные особенности православной проповеди // Личность в прагмалингвистике. Ростов н/Д, 2012.
8. *Хартавакян В.Г.* Латынь как стилеобразующий фактор в церковно-религиозном стиле английской речи // В.Г. Хартавакян. Современные подходы к исследованию ментальности: сборник статей / Отв. ред. М.Вл. Пименова. СПб., 2011.
9. *Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.* Общая риторика. Ростов н/Д, 1999.
10. *Григорьев В.П.* Введение // Словарь языка русской поэзии XX века: Избранные экспрессемы. СПб., 2011.
11. *Семенко В.* Святые лавры: Путешествие из Киева в Почаев. М., 2012.
12. *Николаев С.Г.* Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов // Дис. докт. филол. наук. Ростов н/Д, 2006.
13. Большой толковый словарь русского языка М.; СПб., 2004. Гл. ред. С.А. Кузнецов
14. Новейший энциклопедический словарь Гл.ред. С.М. Снарская М., 2010.

15. *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
16. Словарь русского языка: В 4 т. Т.1. М., 1981.
17. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т.1. М., 1991.
18. *Солганик Г.Я.* Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. М., 2004.
19. *Хруль В.М.* Религия в публичной сфере и проблемы деонтологии журналистики // Журналистика в 2010 году. М., 2011.
20. *Азаров А.А.* Большой англо-русский толковый словарь религиозной лексики. М., 2011.
21. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. М., 2010.
22. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2012.
23. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. М., 1988.
24. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М., 2008.
25. Русский ассоциативный словарь. Тт.1-2. М., 2002.
26. Словарь религий / Под ред. В.Зюбера, Ж.Потэна. М., СПб., 2008.

L I T E R A T U R E

1. Archdeacon *Andrei Kuraev*, "Order share Pussi Riot». Interview Helen Masuk // New Newspaper. 2012. № 85.
2. *Kozak M.* "Markers of expressivity" in cultural speech evaluation // Journalism in 2011. Values of modern society and the media. М., 2012.
3. *Kozhin M.N., Duskaeva L.R., Salimovsky V.A.* The style of the Russian language. М., 2011.
4. *Akimov T.P.* Stylistic features tserkovnoslavyanizmov in letters Chekhov // Language. Discourse. Text. Rostov-on-Don, 2012.
5. *Bugaev I.* Especially religious differentiation of speech // Social language variants / Proceedings of the International Conference Nizhni Novgorod, 2004.

6. *Pavlovian O.E., Trosheva T.B.* Religious discourse in the educational process of higher education // Russian language and literature: problems of learning and teaching. Kiev, 2009.
7. *Sakharov E.E.* The characteristic features of the Orthodox sermons // Personality in pragmalinguistics. Rostov-on-Don, 2012.
8. *Hartavakyan V.G.* Latin as the stylistic factor in church-religious style of English speech // V.G. Hartavakyan. Modern approaches to the study of mentality: a collection of articles / Ed. Ed. M.Vl. Pimenov. SPb., 2011.
9. *Khazagerov T.G., Shirina L.S.* General rhetoric. Rostov-on-Don, 1999.
10. *Grigoriev V.P.* Introduction // Vocabulary of Russian poetry of the twentieth century: Selected ekspressemy. SPb., 2011.
11. *Semenko V.* Holy Monastery: A Journey from Kiev to Pochaev. M., 2012.
12. *Nikolaev S.G.* Phenomenology of bilingualism in the works of Russian poets // Dis. Doctor. Philology. Science. Rostov n / a, 2006.
13. Big Dictionary of Russian language Moscow, St. Petersburg., 2004. Chap. Ed. S.A.Kuznetsov
14. The newest encyclopedia Gl.red. S.M.Snarskaya M., 2010.
15. *Graudina L.K., Itzkowitz V.A., Katlinskiy L.P.* Grammatical correctness of the Russian language: Experience-frequency vocabulary of stylistic choices. Moscow, 1976.
16. Russian dictionary: 4 volumes, Vol.1., 1981.
17. Dictionary of modern Russian literary language. Vol.1. M., 1991.
18. *Solganik G.Y.* Dictionary: Language newspapers, radio and television. Moscow, 2004.
19. *Hrulev V.M.* Religion in the public sphere and the problem of ethics of journalism // Journalism in 2010. M., 2011.
20. *Azarov A.A.* The English-Russian Dictionary of religious vocabulary. M., 2011.
21. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language. V.1-4. Moscow, 2010.
22. *Dal V.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language. M., 2012.
23. *Zolotov G.A.* Syntactic dictionary. Moscow, 1988.

24. *Ozhegov S.I.* Dictionary of Russian language. Moscow, 2008.
25. Russian associative dictionary. Tt.1-2. Moscow, 2002.
26. Dictionary of Religions / Ed. V.Zyubera, Zh.Potena. Moscow, St. Petersburg., 2008.

*Южный федеральный
университет, Ростов-на-Дону, Россия*

24 января 2013 г.
